

ЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ЖЕЛАЕМОЕ И РЕАЛЬНОЕ

Г.И. Вайнштейн

Ключевые слова: идентичность, политическая интеграция, Евросоюз, наднациональная общность, культура, цивилизация, ценности.

Прошедшие недавно выборы в Европарламент, вновь продемонстрировавшие падение интереса рядовых европейцев к деятельности одного из основных политических институтов единой Европы, дают очередной повод задуматься о проблеме восприятия гражданами европейских стран интеграционного процесса на континенте. Важным аспектом этой проблемы представляется вопрос о масштабах и перспективах укоренения в их сознании представлений о своей включенности в некую единую наднациональную общность.

* * *

Нынешние выборы в Европарламент совпали по времени с достаточно примечательной датой в истории содружества европейских стран — вот уже четверть века прошло с тех пор как главы государств Европейского Сообщества, собравшись в июне 1984 г. на саммит в Фонтенбло, приняли решение поставить в практическую плоскость формирование у граждан своих стран чувства общей европейской идентичности. За прошедшие годы предпринято немало конкретных шагов, призванных способствовать достижению этой цели. Были учреждены такие символы единой Европы как флаг, гимн, общий праздник “Дня Европы”. Жители стран, присоединившихся к Шенгенскому соглашению, стали пользоваться безвизовым режимом. Была введена единая европейская валюта. Жителям стран Евросоюза был предоставлен статус “гражданина Союза”, учреждены единые общеевропейские водительские права и многое другое. Однако надежды и ожидания поборников европейской интеграции, сознающих, что гражданское единство европейцев, базирующееся на ощущении ими своей принадлежности к единому общему дому, является необходимым условием прочности политического единства Европы и, в конечном счете, залогом успеха всего интеграционного проекта, остаются сегодня далекими от воплощения.

Понятно, что, в отличие от политической интеграции Европы, занявшей сравнительно короткий период времени, формирование коллективной европейской идентичности, предполагающее глубокие изменения в общественном сознании, неизбежно является длительным процессом. Тем не менее, сегодня появляется все больше свидетельств явного торможения этого процесса, а то и вовсе его попятного развития.

Конечно, при всей амбициозности идеи создания общей идентичности у 450 миллионов граждан, населяющих несколько десятков европейских стран с разной историей, культурой, традициями, уровнем и образом жизни, речь отнюдь не идет о вытеснении национального самосознания европейцев неким “пост-

национальным космополитизмом”. На повестке дня иная цель — формирование у жителей Евросоюза чувства “двойной” идентичности, сочетающего в себе одновременно ощущение принадлежности и к своей стране, и к Европе в целом.

Между тем, значительная часть населения стран Евросоюза по-прежнему испытывает лишь чувство национальной идентичности. Причем их доля не только не уменьшается, а, напротив, возрастает. Если в 1994 г. в среднем 33% опрошенных считали себя только гражданами своей страны, то к концу 2004 г., вопреки всем усилиям сторонников пан-европеистского проекта, этот показатель возрос до 41%. Что же касается тех, кто считает себя одновременно и гражданами своей страны, и гражданами Европы, то в их сознании компонент “национальной идентичности” явно сохраняет доминирующее значение. В 2004 г. в среднем 47% опрошенных в 25 странах Евросоюза говорили о себе в первую очередь как о французах, немцах, итальянцах, испанцах и т.п., и лишь во вторую очередь — как о европейцах (этот показатель практически не изменился с 1994 г., когда он составлял 46%). Те же, кто, ощущая “двойную” идентичность, ставят на первое место ее общеевропейский компонент, составляют крайне незначительное меньшинство — 7% в 2004 г. (в 1994 г. их было несколько больше — 10%) [Eurobarometer... 2005: 94]. Вполне естественно, что превалирование национального компонента идентичности в наибольшей степени характерно для граждан стран, сравнительно недавно пополнивших состав Евросоюза. Однако оно свойственно и весьма значительной части населения таких “старых” членов единой Европы как, например, Франция, Италия, Германия, где в среднем 36% опрошенных рассматривают себя лишь в качестве граждан своей страны. В Великобритании этот показатель и вовсе находится на уровне 55% [ibid.: 96].

Справедливости ради следует отметить определенный прогресс в распространении чувства общей европейской идентичности в сознании молодых европейцев. В частности, опрос, проведенный несколько лет назад среди граждан Великобритании, Франции, Германии и Италии в возрасте 21–35 лет, т.е. среди представителей поколения, выросшего в условиях объединенной Европы, показал, что европейская молодежь в значительно большей степени, чем население Европы в целом, чувствует себя в первую очередь европейцами. Почти треть молодых людей сочла себя скорее европейцами, чем гражданами своей страны [б.г.а]. Однако, хотя поборники проекта европейской интеграции видят в этой тенденции одно из свидетельств реализации их идей, пессимизм по поводу принципиальной возможности возникновения на массовом уровне общей “европеизированной” идентичности все же получает в последнее время все большее распространение среди весьма авторитетных наблюдателей. И действительно, темпы внедрения в массовое сознание ощущения принадлежности к некой наднациональной европейской общности весьма незначительны, и подавляющему большинству жителей Европы оно остается по-прежнему чуждым. Как свидетельствуют, например, результаты обследований, проведенных во Франции, доля жителей этой страны, отказывающихся характеризовать себя как “граждан Европы”, составляла в 2008 г. 62% (хотя и уменьшилась по сравнению с 70% в 2001 г.) [We Are... 2008].

“Идея некой ‘европейской идентичности’ пребывает в тумане”, констатирует, например, Р.Дарендорф. “Европейская интеграция, — пишет он, — больше не воспламеняет воображение европейцев. Еще существуют евро-энтузиасты, но среди народов Европы превалирует безразличие, а в некоторых случаях даже тихая враж-

дебность по отношению к идее европейской общности” [Dahrendorf 2003]. Аналогичное мнение высказывает и Ф.Фукуяма. “Несмотря на прогресс, достигнутый в формировании Европейского Союза, — отмечает американский политолог, — европейская идентичность остается чем-то идущим скорее из головы, нежели из сердца. Хотя существует узкий слой мобильных, космополитичных европейцев, немногие граждане Европы рассматривают себя как представителей общего рода европейцев и преисполняются гордостью, когда звучит европейский гимн. Поражением, нанесенным Европейской конституции на референдумах 2005 г. во Франции и Голландии, рядовые граждане вновь дали понять политическим элитам, что они не готовы поступиться своей приверженностью идее национального государства и суверенитета” [Fukuyama 2007]. Подобного рода пессимистические суждения имеют широкое хождение и в публицистических статьях, и в обстоятельных научных публикациях западных авторов.

Как же в действительности оценить нынешнее положение дел с приобщением граждан Европы к идее их наднациональной общности? Чтобы ответить на этот вопрос и понять, таким образом, перспективы укоренения в массовом сознании идей европейского единства, следует, очевидно, трезво взглянуть на те факторы, которые препятствуют продвижению Европы в этом направлении.

* * *

Процитированные выше высказывания западных политологов обращают внимание на один из существенных недостатков идеи европейской идентичности — ее неспособность завоевать сердца рядовых граждан Европы.

Действительно, идея наднациональной общности остается пока лишь неким инструментом политической инженерии, своего рода продуктом политического расчета европейских элит, озабоченных созданием социально-психологических условий, благоприятствующих реализации их интеграционного проекта. Эта идея представляет собой идейно-политическую конструкцию, рожденную в политических верхах Европы, но отнюдь не вызревшую на низовом, массовом уровне. Результаты французского и голландского референдумов по Европейской конституции лишь наглядно продемонстрировали масштабность различий в отношении к идее европейской интеграции между рядовыми гражданами и европейскими элитами. Судя по данным социологических исследований, сторонников европейской интеграции среди элит вдвое больше, чем среди европейской общественности [см. напр. Нix 2005: 165]. В этом контексте укоренение в массовом сознании чувства европейской идентичности является, по сути дела, элитарным проектом, далеким от реальных запросов широких слоев населения. Однако, как справедливо подчеркивают некоторые авторы, общеевропейская идентичность “не может быть создана по прямым директивам из Брюсселя или столиц государств-членов Евросоюза... Она может возникнуть лишь благодаря осознанию гражданами отдельных европейских государств того, что интеграция может дать лично им” [Karlsson 1999: 70].

Между тем, для значительной части рядовых европейцев выгоды европейской интеграции далеко не очевидны. Как показало общеевропейское обследование, проведенное в конце 2004 г., лишь 53% европейцев полагало в тот момент, что членство в ЕС принесло пользу их стране, тогда как 34% считало, что, напротив, оно нанесло вред [Eurobarometer... 2004: 9]. Данные опроса жителей стран Евросоюза, осуществленного весной 2008 г., свидетельствуют, что эти показатели остались прак-

тически без изменения (лишь 54% опрошенных сочло, что членство в ЕС приносит пользу их стране) [Eurobarometer... 2008: 27]. В наименьшей степени представления о благотворном влиянии на жизнь их страны ее принадлежности к ЕС свойственны гражданам основных членов европейского сообщества. Опрос жителей Великобритании, Франции, Германии, Италии и Испании, проведенный службой Харриса в 2007 г. в связи с празднованием 50-летней годовщины подписания Римского договора о создании Европейского Экономического Сообщества, обнаружил, что в среднем только 25% из их числа считало, что присоединение к ЕС способствовало улучшению жизни в их странах, тогда как 44% полагало, что членство в ЕС негативно повлияло на их жизнь¹. Как констатирует один из ведущих британских политологов Марк Леонард, Евросоюз не пользуется значительным доверием граждан в плане его способности решать заботящие их проблемы. “Справедливо это или нет, — признает он, — но Евросоюз воспринимается как элитарный проект, реализующийся без согласия граждан” [Leonard 2006: 3].

Характерно, что мнение о позитивности происходящих в их стране экономических перемен свойственно в большей степени жителям тех стран, которые в меньшей степени вовлечены в процесс европейской интеграции. В частности, в таких странах как Великобритания, не желающей ни отказываться от своей национальной валюты, ни присоединяться к Шенгенскому соглашению, или же Дания, также остающейся вне зоны евро, или же Норвегия и Исландия, вовсе не входящих в состав Европейского Союза, в 2003 г. от 44% до 59% граждан позитивно оценивали экономические изменения предшествовавшего десятилетия. В то же время, в среднем по всем западноевропейским странам аналогичную оценку высказывали лишь 32% опрошенных, а 49% — придерживались противоположного мнения, считая свою страну экономически менее благополучной, чем 10 лет назад [Voice... 2003: 7].

Думается, что сегодня, в условиях экономического кризиса, охватившего современный мир, отношение рядовых граждан к идее европейской интеграции подвергается особенно серьезному испытанию. Способность этой идеи получить признание широких масс во многом связана с тем, сумеют ли европейские лидеры найти совместные эффективные решения сегодняшних проблем, продемонстрировав их преимущества над попытками преодоления нынешних экономических невзгод средствами сугубо национальной политики.

* * *

Существуют, однако, и некие более глубинные факторы, осложняющие формирование единой европейской идентичности, если не сказать, — вообще ограничивающие масштабы ее распространения. Один из наиболее значительных среди них — существенная размытость сути самого феномена, определяемого понятием *европейская идентичность*, неясность тех основ, на которых она может зиждиться.

Достаточно сакраментальным и не имеющим убедительных ответов является, в частности, вопрос о том, что значит быть “европейцем”. Весьма сомнительными, а то и попросту парадоксальными, выглядят попытки решить этот вопрос на основании сугубо формальных критериев. Так, звучащие из уст некоторых высокопоставленных представителей брюссельской бюрократии утверждения о том, что европейцы — это граждане стран-членов Евросоюза, по сути дела, отказывают в

¹ *Financial Times*, 18.03.2007.

европейской принадлежности, например, гражданам Норвегии или же жителям такой находящейся в самом сердце Европы страны как Швейцария.

В равной мере сомнительным представляется и причисление к европейцам жителей всех расположенных на территории Европы стран. Применение чисто географического критерия не проясняет ни вопрос о том, что такое сама Европа, ни вопрос о том, что такое “европеец”. Географическое пространство Европы не имеет общепризнанных границ. Как известно, расширительное толкование этого понятия как пространства “от Атлантики до Урала” не находит понимания ни среди большинства европейских политиков, ни среди широких масс граждан многих европейских стран. Нет единого мнения и относительно правомерности включения в сообщество европейских народов жителей такой частично расположенной на европейском континенте страны как Турция. Весьма широко, по крайней мере, в массовом сознании ряда стран, распространено и восприятие жителей некоторых балканских государств, как и ряда других восточно-европейских государств, в качестве “европейцев второго сорта”. Спору нет, мироощущению “новых европейцев”, недавно пополнивших состав Евросоюза, быть может, льстит представление о своей общности с жителями “старой Европы”. Но те глубокие различия, которые в действительности существуют между европейским Центром и европейской Периферией, очевидно, исчезнут еще не скоро, и заблуждаться по поводу перспектив преодоления их взаимной отчужденности и готовности “старых европейцев” идентифицировать себя с “новыми” вряд ли стоит.

Явная невозможность определить сущность европейской общности с помощью формальных (будь то политических, или географических) критериев ставит во главу угла критерии культурно-цивилизационного и ценностного характера, побуждая акцентировать внимание на религиозных, культурных, политических традициях Европы и ее приверженности гуманистическим и демократическим ценностям. Однако и при таком подходе, с одной стороны, сохраняется значительная трудность в интерпретации феномена европейской идентичности, а с другой, — обнаруживается неопределенность ее специфических, присущих именно европейской ментальности, особенностей.

* * *

Существующая реальность делает, в частности, все менее убедительным тезис о том, что одним из главных системообразующих компонентов общеевропейской идентичности служит религиозная общность Европы, объединяемой христианской верой и тем местом, которое занимают в жизни европейцев католическая и протестантская церкви. Во-первых, распространение христианства отнюдь не ограничивается европейским ареалом. Приверженность ценностям и символам христианства свойственна и многим неевропейским народам.

Во-вторых, отнесение религии к числу важнейших факторов, определяющих сущность европейской идентичности, выглядит достаточно сомнительным в условиях растущей секуляризации жителей европейских стран и, особенно, стран “старой Европы”. Как свидетельствуют некоторые наблюдатели, для большинства европейцев христианская религия превратилась из “строгого жизненного кредо” в некую “аморфную духовную склонность” [Bruni 2003]. Согласно проведенному в 1999–2000 гг. широкому межстрановому исследованию ценностей населения европейских стран, в среднем лишь 21% опрошенных заявляют, что религия “очень

важна” для них. В таких странах как Германия, Швеция, Франция, Великобритания, Дания этот показатель вообще колеблется между 8% и 13% [The European... 2001: 12]. Регулярное посещение религиозных служб, еще сравнительно недавно бывшее атрибутом повседневной жизни многих европейцев, ушло в прошлое. Ныне 58% жителей Европы вовсе не ходят в церковь, а 17% делают это лишь несколько раз в год [ibid.: 35]. В таких странах как Великобритания, Франция, Швеция, Голландия, Бельгия доля граждан, никогда не посещающих церковь, и вовсе достигает 63-82%. Даже в Италии и Испании, всегда отличавшихся особой религиозностью населения, 55% и 54% граждан, соответственно, отмечают ныне, что никогда не посещают религиозные службы, а 20% и 19% заявляют, что делают это крайне редко [ibid.]. “Факт заключается в том, — признает генеральный секретарь Объединенной Реформистской Церкви Британии, — что Европа не является больше христианской” [цит. по Bruni 2003].

Наконец, весьма характерной для последних десятилетий тенденцией является прогрессирующая утрата Европой ее религиозной гомогенности, заключавшейся всегда в доминировании здесь христианско-иудейской традиции и подавляющем преобладании приверженцев католической и протестантской конфессий. Если следовать, например, логике С.Хантингтона, предрекавшего в своей известной работе грядущее “столкновение цивилизаций”, то Европа кончается там, где начинается православие и ислам, и из европейского сообщества исключаются граждане Греции или же таких новых членов Евросоюза как Болгария и Румыния, для которых основной конфессией является именно православие. Наряду с этим, вне европейской общности оказываются и миллионы приверженцев ислама, составляющие сегодня все возрастающую часть населения Европы, имеющего европейское гражданство.

Вообще, вопрос об идентичности постоянно растущей мусульманской части населения сегодняшней Европы отличается особой сложностью, о чем еще будет сказано. Здесь же следует отметить, что на фоне характерной для наших дней секуляризации духовной жизни коренного населения большинства европейских стран, единственной религией, процветающей сегодня в Европе, становится ислам. Одно из наиболее ярких тому свидетельств — многочисленные мечети, становящиеся в последние десятилетия характерным элементом облика многих европейских городов. По оценке американского историка и культуролога Ф.Дженкинса, автора недавно вышедшей монографии о состоянии религии в Европе, в девяти основных западноевропейских странах насчитывается сегодня около 7 тыс. мечетей и молельных домов, большая часть которых сосредоточена в Германии (2400), во Франции (2000) и Великобритании (1200). Примерно 1000 мечетей приходится на такие страны как Италия, Испания и Нидерланды [Jenkins 2007].

В условиях, когда ислам занимает все более заметное место в жизни современной Европы, остается все меньше оснований видеть в религии один из важнейших компонентов европейской общности. И совершенно естественно, что авторы проекта общей конституции Евросоюза отказались от упоминания в ее тексте о христианских основах Европы как и вообще о Боге, о ценностях религиозного наследия или о каких-либо иных “религиозных скрепах” европейского сообщества.

* * *

Довольно туманными представляются и возможности выстраивания европейской идентичности на основе некой культурной общности европейских народов.

Вообще фактор культуры имеет особое значение для утверждения общественной идентичности. Трудно переоценить его значение и в формировании европейской идентичности. Говорят, что один из отцов-основателей Европейского Сообщества Жан Монне незадолго до своей смерти признал, что, если бы у него была возможность заново начать процесс европейской интеграции, он начал бы его не с экономики, а с культуры.

Вместе с тем, реальные пути превращения культуры в некий цементирующий компонент европейского единства просматриваются с трудом. Речь, конечно же, не идет о том, что подобная стратегия предполагала бы игнорирование национального своеобразия европейских культур. Напротив, сторонники идеи европейской общности видят в культурном плюрализме континента достоинство и одну из отличительных особенностей европейской культуры (“единство в многообразии”). Но при этом они подчеркивают приверженность европейцев таким общим гуманистическим ценностям как свобода, уважение прав индивида, верховенство закона, терпимость, социальная справедливость. Однако, говоря о тех элементах европейской культуры, которые несомненно способствуют сплочению народов, adeпты пан-европейской идентичности явно недооценивают определенный дезинтеграционный потенциал, заключенный в сегодняшнем культурном ландшафте Европы.

И дело не только в том, что идентичность общеевропейского характера размывается сохраняющимися национальными идентичностями, опирающимися на уникальный исторический опыт отдельных стран, на их уникальные национальные символы, национальные мифологии и культурные ценности. Гораздо важнее то, что многие компоненты, образующие национальные культуры, пронизаны устойчивой памятью о межнациональных конфликтах и нередко кровавых расправах, сыгравших трагическую роль в европейской истории (в том числе, и не такой уж далекой).

Более существенным обстоятельством оказывается тот факт, что культурное многообразие Европы все чаще оборачивается сегодня культурной несовместимостью, а в ряде случаев взаимной отчужденностью и неприязнью различных национальных и этнических групп в составе населения Евросоюза. Один из источников этой конфликтности — расширение числа входящих в ЕС государств.

Еще в 1999 г., когда Европейский Союз насчитывал лишь 15 западноевропейских стран, в среднем лишь 38% населявших их граждан склонны были признать существование некой европейской культурной идентичности, разделяемой всеми европейцами, тогда как 59% отрицали это [Eurobarometer... 2000: 11]. С тех пор культурная гомогенность Евросоюза стала еще более сомнительной. Сегодняшнее пополнение Евросоюза новыми членами-государствами Восточной Европы ведет не только к усилению культурного многообразия европейского сообщества, но и к определенному возрастанию внутренней конфликтности в европейском культурном пространстве, которая не может не отражаться негативным образом на процессе формирования общеевропейской идентичности. И достаточно показательным представляется тот факт, что вступление в Евросоюз новых государств воспринимается именно как одно из препятствий этому процессу значительной частью самого населения европейских стран. Недавний опрос, проведенный в 12-ти странах Европы, показал, что в среднем 55% населения этих стран полагают, что “дальнейшее расширение Евросоюза делает еще более трудным формирование общей европейской идентичности”. В таких странах как Голландия,

Франция, Германия доля граждан, разделяющих эту точку зрения, достигает, соответственно, 76%, 68% и 64% [Transatlantic Trends... 2006: 15].

Еще большую напряженность в культурное пространство современной Европы вносит другой фактор — пополнение населения Европы миллионными массами иммигрантов, являющихся выходцами из не западных стран. Изменения национально-этнической структуры Европы, связанные с приобретшей в последние несколько десятилетий огромный размах массовой иммиграцией, становятся принципиально новым для жизни континента явлением, подвергающим серьезной трансформации его культурный облик. Конечно, немалая часть выходцев из развивающегося мира (в частности, с мусульманского Востока, из Азии, из Африки), оседающих в европейских странах в поисках лучшей доли, стремится вписаться в новую социальную и культурную среду. Но в то же время существует и значительная масса новых жителей Европы (как в первом, так и в последующих поколениях), которые не только не способны, но и не стремятся интегрироваться в европейское культурное пространство. Их сознание, их образ жизни, формы их повседневного поведения остаются подчиненными их “изначальной” этнической и культурно-религиозной идентификации.

Появление в странах Европы многочисленных выходцев из не западных обществ, многие из которых остаются носителями чуждой европейцам культуры, непривычных для европейцев норм общественного поведения и нередко враждебных их менталитету ценностей, не просто осложняет формирование общеевропейской идентичности, но и ведет к размыванию той культурной и ценностной гомогенности, которая являлась характерной чертой ряда европейских стран. Все очевиднее становится не столько потребность дополнения “национального” компонента идентичности компонентом “общеевропейским”, сколько необходимость интеграции в европейскую общность носителей антизападных ценностей и стандартов поведения.

Особую остроту эта проблема приобретает в свете так наз. “исламизации Европы”, — т.е. неуклонного и чрезвычайно быстрого возрастания в составе европейского населения доли лиц мусульманского вероисповедания. Эта тенденция, получающая наглядное проявление не только в уже упомянутом присутствии многочисленных мечетей во многих городах Европы, но и в появлении здесь целых “анклавов”, характеризующихся необычным для европейцев образом жизни, ведет к возникновению того весьма тревожного с точки зрения не столь уж отдаленных перспектив европейской реальности феномена, который определяется сегодня некоторыми исследователями емким понятием “Еврабия”². Проникновение в Европу вместе с иммигрантами-выходцами из незападного мира ценностей иного образа жизни размывает европейскую идентичность. Причем существует опасность не только сохранения, но и усиления этой тенденции — в частности, в случае присоединения к Евросоюзу Турции с ее 70-миллионным мусульманским населением, которое может добавиться к уже живущим в Европе почти 20 миллионам мусульман.

На этом фоне задача формирования европейской идентичности все больше оттесняется на второй план не менее сложной и в то же время не менее актуальной задачей интегрирования выходцев из не западного культурно-цивилизаци-

² Как замечает известный британский историк Найл Фергюсон: “...когда-нибудь будущие историки сочтут изобретение термина ‘Еврабия’ пророческим” [цит. по Jones 2005].

ционного пространства в общую либеральную культуру европейского общества. В случае неспособности Европы решить эту задачу, увеличение этой категории граждан в составе европейского населения станет, как считает, в частности, Ф.Фукуяма, “бомбой замедленного действия”, которая может явиться “угрозой существованию самой европейской демократии” [Fukuyama 2006: 5-6]. Некоторые исследователи высказываются по этому вопросу с еще более пессимистической категоричностью. Так, по мнению известного американского культуролога Бернарда Льюиса, существуют две альтернативы для прогнозирования будущего Европы: “исламизация континента” или же “европеизация ислама” [Lewis б.г.].

Оценивая в целом нынешний характер европейского культурного ландшафта, такой авторитетный исследователь как Ульрих Бек констатирует: “Чем больше мы присматриваемся к эмпирической реальности, тем очевиднее становится, что представление о культурной однородности (Европы — *Г.В.*) на самом деле является отрицанием реальности” [Бек 2000].

Характеристика факторов, противостоящих культурной гомогенизации Европы, будет неполной, если не упомянуть о сохранении языковой разобщенности населения континента. Хотя положение со знанием европейцами иностранных языков постепенно улучшается, оно остается все же далеким от желаемой поборниками европейской интеграции цели — появления “многоязычного европейца”. В конце 1990-х годов в среднем 66% граждан государств, входивших в то время в Евросоюз, знали лишь язык собственной страны и только 10% говорили как минимум на двух языках [Karlsson 1999: 68]. Как показали результаты обследования, проведенного в 2005 г. в 25 странах, образовывавших на тот момент Евросоюз, моноязычными оставались в среднем 44% их граждан, а большинство из числа тех, кто заявил о знании иностранных языков, владели ими лишь в той степени, чтобы быть понятыми собеседником [Special Eurobarometer 2006: 9]. При этом в разных странах ситуация со знанием языков весьма неоднородна. В частности, в Люксембурге практически все население говорит как минимум на одном иностранном языке, а 92% граждан — на двух. В Великобритании же 62% граждан владеет лишь английским языком. В Италии 59% населения не знает иностранных языков, в Португалии — 58%, во Франции — 49% [ibid.].

Нынешний состояние языковой разобщенности Европы препятствует образованию некой целостной “транснациональной культуры”. Это, с одной стороны, фиксирует существование на континенте нескольких регионов, каждый из которых (в зависимости от преобладания в нем одного из трех наиболее распространенных на континенте языков) ориентирован главным образом на культурные традиции то ли Франции, то ли Германии, то ли Великобритании. А с другой, — предопределяет сохранение ситуации, когда приверженность граждан разных стран своей национальной культуре остается одним из доминирующих элементов их самоидентификации.

О том, что язык является одним из важнейших факторов, детерминирующих характер идентичности европейцев, свидетельствуют, например, результаты обследования, проведенного среди жителей Великобритании. На вопрос, “насколько Вы себя ощущаете европейцем?”, 84% опрошенных ответили в середине 1990-х годов: “вовсе не ощущаю” или “ощущаю в малой степени”. Отвечая же на вопрос о том, с какой страной у них больше всего общего, 7% британцев назвали Германию и 5% — Испанию, тогда как 23% выбрали США, 15% — Австралию и 14% — Канаду. Это говорит о том, что большинство британцев идентифицируют себя с представителями англосак-

сонского или англоязычного мира в значительно большей степени, нежели со своими партнерами по европейскому сообществу [Shore 1998: 154].

* * *

Отвлечемся, однако, от характеристики факторов, ограничивающих пределы распространения среди европейцев чувства общей наднациональной идентичности, и обратим внимание на другой, чрезвычайно существенный аспект проблемы — на значительную трудность с выявлением специфики и отличительных особенностей этой идентичности. Отчасти этот вопрос уже был затронут выше. Говоря о неправомерности утверждений о том, что одним из компонентов европейской идентичности является, якобы, общая приверженность населения Европы традициям и ценностям христианской веры, мы уже отметили, в частности, то обстоятельство, что ареал распространения христианской религии отнюдь не ограничивается европейским континентом.

То же самое можно сказать и об упомянутых выше секулярных гуманистических и демократических ценностях, приверженность которым также провозглашается обычно в качестве одной из главных скреп европейской общности. В реальности эти ценности давно уже стали достоянием отнюдь не одной лишь Европы и даже не одного лишь Запада, понимаемого в чисто географическом смысле. Приверженность Европы демократии и господству права, считающаяся сутью ее идентичности, отнюдь не является некой уникальной европейской особенностью. Гуманистические и рационалистические принципы, провозглашаемые обычно основой европейской идентичности, в действительности представляют собой универсалистские принципы западной цивилизации, и акцент на этом компоненте европейской общности по сути дела обесмысливает понятие “европейская идентичность” и лишает ее собственного “лица”.

С распространением европейской системы ценностей и представлений на другие регионы мира, своеобразие цивилизационной идентичности Европы стало значительно более расплывчатым, чем прежде. И в этой ситуации определение европейцами своей идентичности все чаще наполняется сегодня не столько позитивным, сколько негативным смыслом, т.е. осуществляется не через утверждение ее собственных отличительных особенностей, а через неприятие цивилизационных особенностей иных регионов мира и стремление осмыслить самое себя по принципу противопоставления “другим”.

Поиск общей идентичности европейцев все отчетливее оказывается формируемым их склонностью к бинарному мышлению в рамках конструкции “мы” — “они”. Конечно, было бы неверным говорить об этой тенденции как о некой совершенно новой особенности европейского мышления. На протяжении многих веков, еще со времен отпора франков мусульманскому нашествию в VIII в., противопоставление себя “другим” играло определенную роль в самосознании европейских народов. В недавней истории Европы в качестве ее основной “антиреферентной группы”, существование которой во многом способствовало укреплению в сознании европейцев чувства их общности, выступали страны коммунистического Востока. Однако сегодня негативный компонент формирования европейской идентичности приобретает особое значение и наполняется новым содержанием.

Доминирующими элементами нынешнего европейского самосознания, выполняющими едва ли не основную функцию в объединении значительной части насе-

ления Европы, становятся настроения антиисламизма и антиамериканизма. Причем, если еще недавно существовали значительные различия между массовыми и элитарными слоями европейского населения по степени распространенности этих настроений³, то в последнее время между ними наблюдается все большее сходство, и именно антиамериканизм рассматривается многими авторитетными наблюдателями в качестве главного фактора, обеспечивающего социально-психологическую основу становления европейской общности. Весьма симптоматичен тот факт, что многомиллионные антиамериканские демонстрации, прокатившиеся по всему континенту 13 февраля 2003 г., накануне вторжения США в Ирак, были восприняты рядом политиков и экспертов не просто как важный показатель состояния умонастроений сегодняшней Европы, а как яркое и наглядное проявление возникновения новой европейской общности⁴. Как пишет известный американский политолог Эндрю Марковиц, однажды в будущем именно 13 февраля 2003 г. будет признано историками днем “подлинного рождения объединенной Европы” [Markovits 2005: 203].

Усиление значимости “негативной составляющей” европейской идентичности по-разному расценивается западными политологами. Если одни из них считают эту тенденцию положительным явлением, подчеркивая, в частности, что антиамериканизм выступает в качестве важного фактора утверждения ценностей Европы, представляя собой “необходимый первый шаг к конструированию новой европейской идентичности” [ibid.], то другие обращают внимание на “разрушительный потенциал” этой тенденции. По их мнению, желание “выстроить” европейскую идентичность на ее противопоставлении другим цивилизациям (будь то исламская, православная или же американская) чревато угрозой провала самой идеи европейской интеграции. Самоопределение европейцев в противопоставлении себя “другим” (в частности, соседям из стран третьего мира), замечает, например, шведский политик Ингмар Карлсон, чревато опасностью того, что поиск европейской идентичности обернется “возведением демаркационной линии, отгораживающей Европу от остального мира” [Karlsson 1999: 69]. Говоря о распространении в сегодняшней Европе настроений антиамериканизма, такие европейские политологи как Р.Дарендорф и Т.Гартон Эш пишут, что “любая попытка определения Европы как некоего целого, противостоящего Америке, будет вести не к объединению Европы, а к ее расколу” [Dahrendorf, Garton Ash 2003]. И действительно, проблема отношения к Америке угрожает сегодня не только углублением так наз. “трансатлантического раскола” (конфликтом между Европой и США), но и служит источником напряженностей внутри самой Европы, вызывая определенные разногласия между старыми членами Евросоюза и “новыми жильцами европейского дома”.

* * *

Сказанное выше не дает, похоже, оснований для особого оптимизма по поводу перспектив формирования общеевропейской идентичности.

³ Рядовые европейцы отводили незавидную роль “других”, по контрасту с которыми они определяли самое себя, главным образом, мусульманам и иным выходцам из не западных обществ, тогда как настроениями антиамериканизма характеризовалось преимущественно сознание европейских интеллектуалов и представителей элитных групп общества.

⁴ К числу авторов, высказавших подобную точку зрения, относятся, например, бывший министр финансов Франции, ныне генеральный директор МВФ Д.Стросс-Кан [Strauss-Kahn 2003] или же такие видные представители европейской интеллектуальной элиты как Ю.Хабермас и Ж.Деррида [Habermas, Derrida 2003].

С одной стороны, сам феномен идентичности европейцев представляется явлением весьма неоднозначным. Нынешние трудности с выявлением специфики европейской идентичности, обуславливая склонность европейцев акцентировать, в первую очередь, свое отличие от “других”, порождают опасность рождения нового национализма регионального, так сказать, “разлива”, который может прийти на смену национализмам отдельных государств.

С другой стороны, беспристрастная оценка масштабов внедрения в сознание европейцев чувства их принадлежности к наднациональной общности свидетельствует о том, что речь должна идти отнюдь не о поступательном, пусть и гораздо более медленном, чем того хотелось бы архитекторам единой Европы, процессе, а скорее об исчерпании его потенциала и побудительных мотивов. Сегодня крайне трудно понять, что могло бы придать новый импульс этому процессу. Судя по всему, распространение на массовом уровне чувства европейской идентичности достигло некоего предела, преодоление которого в обозримом будущем выглядит малореальным.

Бек У. 2000. Понять реальную Европу: космополитическая перспектива. — *Прогнозис*, № 8. <http://journal.prognosis.ru>

Bruni F. 2003. Faith Fades Where It Once Burned Strong. — *The New York Times*, 13.10.

Dahrendorf R. 2003. Anti-Americanism and Europe's Identity. — *Daily Times*, 18.02. <http://www.project-syndicate.org/commentary/dahrendorf11>

Dahrendorf R., Garton Ash T. 2003. L'Europe et l'Amerique que nous voulons. — *Le Monde*, 10.07.

Eurobarometer 52, Public Opinion in the European Union. 2000, April. Brussels.

Eurobarometer 62. Public Opinion in the European Union. 2004, December. Brussels.

Eurobarometer 62. Public Opinion in the European Union. 2005, May. Brussels.

Eurobarometer 69, Public Opinion in the European Union. 2008, May. Brussels.

Fukuyama F. 2006. Identity, Immigration, and Liberal Democracy. — *Journal of Democracy*, April 2006, vol. 17, № 2.

Fukuyama F. 2007. Identity and Migration. — *Prospect Magazine*, № 131, February. <http://www.prospect-magazine.co.uk/printarticle.php?id=8239>

Habermas J., Derrida J. 2003. Le 15 février ou ce qui unit les européens. — *Liberation*, 01.06.

Hix S. 2005. *The Political System of the European Union*. Basingstoke.

Jenkins Ph. 2007. *God's Continent: Christianity, Islam and Europe's Religious Crisis*. Oxford: Oxford University Press.

Jones Th. 2005. How to concoct a conspiracy theory. — *London Review of Books*, vol. 27, № 20, 20.10.

Karlsson I. 1999. How to Define the European Identity Today and in Future? — T.Jansen (ed.) *Reflections on European Identity. European Commissions, Working Paper*. Brussels.

Leonard M. 2006. *Democracy in Europe: How the EU Can Survive in an Age of Referendums*. L.

Lewis B. 6.1. *Islamized Europe or Europeanized Islam* <http://islamineurope.blogspot.com/2007/01/bernard-lewis-islamized-europe-or.html>

Markovits A. 2005. Anti-Americanism in Europe: From Elite Disdain to Political Force. — In *“Old Europe, New Europe, Core Europe: Transatlantic Relations after the Iraq War”* (ed. by D.Levy et al.). L.

Shore Cr. 1998. The Myth of a Euro-identity. — *Demos Collection*, Iss. 13. Demos, L.

Special Eurobarometer. Europeans and their Languages. 2006. № 243, February. Brussels.

Strauss-Kahn D. 2003. Une nation est née. — *Le Monde*, 26.02.

The European Values Study: A Third Wave. 2001. — *Source book of the 1999/2000 European Values Study Surveys* (by L.Halman et al.), EVS, WORC, Tilburg University.

Transatlantic Trends 2006. Topline Data. — *GMF*, July 2006, Brussels.

Voice of the People. 2003. — *Gallup International, Survey 2003*.

We Are Not European Citizens, Say French. — *Angus Reid Global Monitor*, 07.09. 2008.

6.1.a <http://news.bbc.co.uk/1/hi/world/europe/1243637.sfm>